

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

© 1990 г.

История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988. 568 с.

Рецензируемая книга завершает трехтомную серию «История первобытного общества», первые два тома которой вышли в 1983 и 1986 гг. Как явствует из подзаголовка, она посвящена эпохе, когда первобытное общество перестает быть самим собой, когда в его недрах проходят процессы, ведущие к формированию раннеклассового общества. Эпоха классообразования — это самостоятельная и ключевая эпоха в истории человечества, поэтому данную книгу следует рассматривать не только и не столько как завершающий том серии, но прежде всего как самостоятельный труд.

Книга состоит из шести глав, очень неравновеликих (от 24 до 135 с.), но в определенной мере равнозначных по важности рассматриваемых в них тем: это производственная база первобытного общества в эпоху его разложения на классы (гл. I), механизмы социализации (гл. III), демографические и этнические аспекты (гл. IV), формы общественного сознания в их развитии (гл. V), наконец, формы отношений между сформировавшимися классовыми и контактирующими с ними первобытными обществами (гл. VI). Особняком должна быть поставлена гл. II (с. 140—270) «Возникновение частной собственности, классов и государства». Явно не случайно этот заголовок перекликается с названием классической работы Ф. Энгельса, и хотя слово «семья» в нем не фигурирует, особый раздел главы посвящен «обособлению семьи и его социальным последствиям». Глава эта, бесспорно, занимает центральное место в книге, и ее положение вполне оправдано. В первой, «производственной», главе рассматриваются главным образом производительные силы; вторая глава по существу посвящена в основном производственным отношениям; все же последующие главы имеют дело так или иначе с явлениями надстроечного характера.

Глава первая — «Производственные предпосылки разложения первобытного общества» (автор В. А. Шнирельман) — самая большая в книге и самая богатая фактическим материалом (в 256 сносках к этой главе содержится ссылка почти на полтысячи публикаций), так что сама по себе эта глава равноценна самостоятельной и довольно исчерпывающей монографии. Мы находим здесь сводку археологических и этнографических данных о динамике производительности разных форм земледелия с момента его возникновения и до формирования классового общества; очерк развития скотоводства и сложения кочевничества; анализ своеобразных высших вариантов присваивающего хозяйства, по продуктивности эквивалентных ранним производящим; историю металлургии вплоть до развития производства железа; очерк ремесленного производства и обмена в предклассовых обществах. Такой всеобъемлющей и сконцентрированной сводки новейших сведений по экономике предклассовых обществ (большинство источников относится к 80-м годам) еще не бывало не только в советской, но и в общемировой науке.

Следует сделать и некоторые частные замечания по этой главе. Автор почти повсюду дает двухсистемную датировку, типа VII (VI) тыс. до н. э. Следовало бы для массового читателя пояснить, в чем сущность такой двойной датировки. Льняное масло и льняное семя (см. с. 26) использовалось в пищу не только «первоначально», но и до самого недавнего времени, а в античности особенно широко. Вряд ли можно некритически полагаться на письменные документы о том, что в микенскую эпоху в Пилосе 400 бронзолитейщиков обходились одной тонной бронзы в год. Но в целом преимущественно престижно-ритуальное, а не производственное использование бронзовых изделий сомнений не вызывает, и можно было бы привести подтверждающие параллели из истории бронзы в Восточной Азии.

Кстати, уделив много места истории земледельческих орудий — мотыг, бороздковых орудий, сох и рал и отказав камню и рогу в пригодности для изготовления деталей упряжных орудий (с. 20—24), автор все же не выявил соотношения между деревом, бронзой и железом в качестве материала для рабочей части (лемеха, лезвия, оковки) земледельческих орудий и лишь вскользь вернулся к этому вопросу позже (с. 77).

К числу явных достоинств статьи нужно особо отнести детализацию моделей эволюции кочев-

ничества (с. 48—50) и разбор амбивалентности престижной позиции ремесла, особенно кузнечного, в разных обществах (с. 91—94).

Глава вторая (автор Л. Е. Куббель), как уже сказано, занимает в книге центральное место, трактуя такие кардинальные процессы, для которых явления, описанные в других главах, служили либо предпосылками, либо следствиями.

Наиболее важными моментами, продемонстрированными в этой главе, являются следующие. Прежде всего это примат земельной частной собственности над любыми другими видами собственности, и поздний и постепенный характер возникновения полной личной земельной частной собственности, противопоставленную общинной, т. е. коллективной. Далее, это показ при всем его универсальном характере бесспорной многоплановости и вариативности процессов перехода от материнского рода к отцовскому и непрямого дальнейшего перехода к патриархальному роду, отсутствия прямой связи этих процессов с уровнями и стадиями общественного развития, формами хозяйства и другими факторами. Наконец, это анализ трех путей полигенеза — военного, аристократического и плутократического при показе реального переплетения и взаимодействия этих путей.

Говоря о соотношении матри- и патрилинейности, экзо- и эндогамии родовых и родоподобных генеалогических групп, следовало бы, видимо, упомянуть те редкие, но все же засвидетельствованные случаи перехода от патри- к матрилинейности (народы Суматры) и существование таких «кланов» (как у эскимосов), которые не являются строго ни экзо-, ни эндогамными.

Глава третья (автор Л. А. Файнберг) «Механизмы социализации» посвящена механизмам социализации в разных вариантах первобытного и раннеклассового общества. При показе очень большой вариативности общественных подходов к каналам социализации автор делает общий вывод, что по мере подхода к порогу классовой воспитательной прессинг ужесточался, менялось и приобретало негалитарные аспекты и содержание инициаций.

Чрезвычайно интересные данные и соображения собраны в главе четвертой — «Демографическая и этническая ситуация». Ее автор В. П. Алексеев оперирует данными могильников и других археологических памятников, привлекает для экстраполяции историко-этнографические материалы. Опуская процедуру, которая при всей ее неизбежной умозрительности принципиальных возражений не вызывает, обратимся к его выводам. С их помощью можно констатировать очень малую продолжительность жизни и быструю смену поколений при популяциях, состоящих в основном из трудоспособных индивидов, с малым числом стариков и (при высокой детской смертности) не очень большим числом детей. Отметим, что это в целом вполне соответствует структуре ныне наблюдаемых доземледельческих обществ.

При определении численности человечества в разные эпохи до сих пор чаще всего опираются на расчеты американского демографа Э. Диви, согласно которым она в верхнем палеолите была около 3 млн. человек, к мезолиту возросла до 5 млн. с лишним, а в неолите, на рубеже эпохи металла, достигла 80—90 млн. В. П. Алексеев корректирует эти цифры следующим образом: для верхнего палеолита устанавливает численность около 2,5 млн., а в мезолите предполагает, что мог иметь место даже известный регресс численности населения. Это предположение, на наш взгляд, заслуживает всесторонней поддержки. На начало разложения позднеродовой общины (V—IV тыс. до н. э.) предполагается цифра в 4 млн. человек. Нам она представляется, возможно, несколько заниженной по ряду причин, но, конечно, ближе к истине, чем исчисления в несколько десятков миллионов, которые дают не только Диви, но даже и гораздо более осторожные авторы оценок. К середине II тыс. до н. э. расширение земледелия приводит к численности примерно в 90—100 млн. человек. Дополним, что по наиболее распространенным расчетам, за 15 веков до рубежа н. э. эта цифра примерно удвоилась или даже почти утроилась, следующее удвоение потребовало также 15 веков (около 500 млн. в XV веке), а еще одно удвоение (примерно до 1 млрд. в начале XIX в.) — трех веков. Ясно, таким образом, демографический прирост коррелирован усложнением социальной структуры общества, тогда как для первобытного общества более характерен демографический гомеостаз.

В этой же главе продолжена и обоснована весьма последовательная с точки зрения выделяемых критериев новая типология этнических общностей на закате первобытности. Завершает главу очерк о гипотетическом распределении языковых семей мира в эту эпоху. При всей своей (вполне понятной) схематичности нарисованная здесь картина, пожалуй, наиболее соответствует современному уровню языковедческих знаний. Заметим лишь, что тезис автора, «что южные территории Средней Азии и Южная Сибирь были тем коридором, который был заселен племенами, объединявшими лингвистически предков северокавказских народов и протоиндоевропейцев», приобретает особое значение, если подтвердится предположение о принадлежности буриштов к этой же макросемье.

Глава пятая — «Эволюция общественного сознания» написана авторским коллективом в составе Б. А. Фролова, О. Ю. Артемовой, В. Я. Петрухина, А. И. Першица. Содержание этой главы очень широко и охватывает по существу все духовную и соционормативную культуру рассматриваемого периода. Здесь собрано много ценных материалов, показывающих разнообразие ситуаций в этой области, но не сформулирован эксплицитно ряд явно напрашивающихся выводов, в частности: с усложнением социальной структуры общества уровень абстрактных знаний резко возрастает, но уровень конкретных может даже снизиться; и если в элитарных слоях уровень духовности жизни часто возрастает (хотя и не всегда), то уровень всеобщности способностей к творчеству снижается.

Глава шестая — «Первобытность и классовые общества» (авторы А. И. Першиц и Л. Е. Куббель) посвящена отношениям первобытной периферии с классовыми обществами разных уровней и эпох. «Контакты ускоряли развитие тех синполитейных обществ, которые были к моменту их начала более развиты, но, как общее правило, замедляли развитие и усиливали отставание синполитейных обществ отсталых» (с. 491).

Заключение (автор А. И. Першин) относится не только к данному тому, но и ко всей серии в целом. В нем характеризуются причины, по которым в истории первобытности столь много спорного, и делается попытка выяснить, что же все-таки может считаться бесспорным. Сюда, по мнению автора, относится более раннее появление труда, чем мышления; *Homo habilis* (т. е. «человек умелый») еще не человек, и его орудия еще не орудия человеческого труда; тот тезис, «что в развитом первобытном обществе община была немислима без рода, а род — без общины» (с. 548); «что первоначальный род — всегда материнский» (с. 549); наконец, универсальность племени.

Можно себе представить, какой гул вызвала бы в аудитории любого международного форума этнографов такая декларация «бесспорности» этих положений.

И тем не менее можно согласиться с последними строками книги «... что в принципе первобытная история покоится на таком же прочном фундаменте, как и остальные разделы марксистской исторической науки» (с. 550). Прочность этого фундамента, как нам представляется, не в том, что на нем могут быть воздвигнуты «бесспорные» положения, а в том, что опираясь на него, историки могут неуклонно продвигаться от более спорных положений к менее спорным.

Отношение рецензента к основным положениям данного тома уже было в какой-то мере высказано при разборе отдельных глав. Поэтому, заключая рецензию, я хочу коснуться уже не столько содержательной стороны, сколько вопросов формы.

Хотя различия авторских стилей и ощущаются, в чем, конечно же, нет ничего плохого, в целом можно сказать, что все главы тома написаны хорошим, ясным языком, хотя иногда авторы предъявляют завышенные требования к эрудиции своих читателей (выражения «вроде известного», «парадокса Салинза» (с. 539), «удовлетворительное решение „австралийской контрверзы“» (с. 549) и т. п. следовало бы разъяснить).

Том, несомненно, подвергнется тщательному компетентному редактированию. И все же вызывают удивление разнобой в транскрипции разных глав, как отмеченные в глоссарии, типа Ферз — Ферс, Ивнс — Эванс, так и не отмеченные, как Полани (с. 145) — Полани (с. 122), Поспишил (с. 151) — Посписил (с. 458), а уж П. Фейош и вовсе превратился в Фехоса.

В книге весьма немного опечаток, но все же некоторые из них досадны, так как способны породить дезинформацию: «квицу» на с. 450 вместо «кипу», «мегалитические» истоки неолита вместо «мезолитические» (с. 330), «арауканские вожества на Ганти» (очевидно, вместо аравакских — см. с. 388).

Все это, может быть, и воспринимается как мелочные придирки, но они продиктованы желанием видеть эту книгу, составляющую определенную веху в развитии нашей науки, свободной от таких шероховатостей. А в том, что эта книга действительно является существенной вехой и послужит добрую службу и специалистам, и студентам, и даже более широким кругам, заинтересованным в историческом знании, сомнений быть не может.

С. А. Арутюнов

© 1990 г.

Ю. В. Павленко. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. Киев, 1989.

Проблема становления классового общества и оценка формационной принадлежности раннеклассовых структур всегда были в центре внимания марксистской исторической науки. В последние годы актуальность этих вопросов еще более возросла, и научные исследования в этой области оживились. Связано это с рядом факторов: во-первых, кумулятивный процесс введения в научный оборот все новых и новых источников вывел науку на качественно новый рубеж, требующий переоценки многих прежних представлений; во-вторых, наступление периода гласности в нашей стране, установка на плюрализм мнений благотворно сказались на научной атмосфере, позволили открыто высказывать идеи и разрабатывать концепции, идущие вразрез с теми «общепринятыми» представлениями, которые годами царили на страницах наших научных изданий; наконец, в-третьих, нарастание в советском обществе социальной неоднородности, которое дало о себе знать особенно в последние годы, показав воочию ложность представления о «монolithicном единстве» советского народа, которое в течение многих лет навязывалось нам средствами массовой информации. Отмечу, кстати, что с введением на полную мощность тех новых экономических механизмов, которые с таким трудом пробивают себе дорогу, гетерогенность эта будет усиливаться. И это делает изучение процесса классовообразования и характера раннеклассовых обществ особенно актуальным.

Поэтому рецензируемая книга представляется своевременной и весьма полезной. Однако ее научное значение состоит даже не столько в этом, сколько в методологическом подходе, заключающем в себе scrupulous анализ диалектики общего и особенного. Об этом свидетельствует уже многообещающее название, выражающее желание автора избежать чрезмерных генерализаций, укоренившихся в нашей теоретической науке, изучающей исторический процесс, в частности классовообразование. Вместе с тем переход от общих представлений и концепций к конкретно-исторической реконструкции — очень непростая процедура¹, методы которой еще предстоит детально разработать. Во всяком случае одно сейчас безусловно ясно: нельзя механически без должной критической оценки переносить представления об общих закономерностях развития, разработанные теоретиками, на частную картину, подлежащую реконструкции, так как исторический процесс чрезвычайно сложен и вариативен и в каждом конкретном случае так или иначе отклоняется от теоретической генерализованной модели. Кроме того, надо всегда помнить и о том, что каждое новое изучение какого-либо конкретного процесса может заставить нас вносить коррективы в уже выработанную ранее генерализованную модель.